

«С КУКИШЕМ В КАРМАНЕ»: СОВЕТСКИЕ ФАНТАСТЫ И ВЛАСТЬ В ЭПОХУ ПОЗДНЕГО СССР

Королев Кирилл Михайлович

Историко-культурный центр «Патрия»,

Санкт-Петербург, Россия

cyril.korolev@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается популярное среди писателей-фантастов, критиков и читателей утверждение о том, что в эпоху позднего СССР многие авторы в своих произведениях бросали тайный вызов действующей власти и оспаривали господствующие идеологические установки, закладывая в свои тексты, образы, сюжетику и топику произведений двойное содержание. С привлечением фактического материала (воспоминания авторов, иная мемуаристика, документы органов власти, аналитические исследования) показывается, что реальная картина событий в те годы несколько отличалась от декларируемой. Во многом градус якобы идеологического противостояния системе определялся внутрилитературными конфликтами (прежде всего, борьбой за право печататься), которым впоследствии придавалось соответствующее «идейное» обрамление, а еще здесь необходимо принимать во внимание свойственную советскому идеологизированному мышлению гиперсемиотизацию публичного дискурса, благодаря чему «опасные» знаки, явные и мнимые, обнаруживались бдительными наблюдателями едва ли не повсеместно. Делается вывод, что история «молчаливого сопротивления» позднесоветской фантастики во многом мифологизирована и нуждается в более тщательном изучении.

Ключевые слова: советская фантастика, идеология, власть, моральная паника, история СССР, советская литература, массовая культура.

Цитирование: Королев К.М. «С кукишем в кармане»: советские фантасты и власть в эпоху позднего СССР // Новое прошлое / The New Past. 2022. № 2. С. 94–110. DOI 10.18522/2500-3224-2022-2-94-110 / Korolev S.M. "Making a Long Nose": Soviet Science Fiction Writers and the State in the Late USSR, in *Novoe Proshloe / The New Past*. 2022. No. 2. Pp. 94–110. DOI 10.18522/2500-3224-2022-2-94-110.

© Королев К.М., 2022

“MAKING A LONG NOSE”: SOVIET SCIENCE FICTION WRITERS AND THE STATE IN THE LATE USSR

Korolev Cyril M.

The Patria Center for History and Culture,
St. Petersburg, Russia
cyril.korolev@gmail.com

Abstract. The article deals with the assertion, widely spread among science fiction writers, critics and readers, that in the late USSR, many authors in their works secretly despised the current politics and challenged the prevailing ideological attitudes, laying double content in their texts, images, plot and topics. On the base of factual materials (memoirs of the authors, other memoirs, documents of authorities, analytical studies), it is shown that the real picture of events in those years was somewhat different from the declared one. In many ways, the degree of supposedly ideological opposition to the system was determined by intra-literary conflicts (primarily the struggle for the possibility to print), which were subsequently given an appropriate “ideological” frame, and here it is also necessary to take into account the hypersemiotization of public discourse characteristic of Soviet ideologized thinking, due to which “dangerous” signs, explicit and imaginary, were discovered by vigilant observers almost everywhere. It is concluded that the history of the “silent resistance” of late Soviet fiction is largely mythologized and needs to be studied more carefully.

Keywords: Soviet science fiction, ideology, power, moral panic, history of the USSR, Soviet literature, popular culture.

В самом конце 1990-х гг. мне довелось побывать на нескольких заседаниях «фантастического» семинара под руководством Б.Н. Стругацкого в Санкт-Петербурге [об истории семинара см.: Балашев, Стругацкий, 1998; Рыбаков, 2019]. Как правило, все эти заседания проходили по одной и той же схеме: БНС – так было принято называть Бориса Стругацкого среди семинаристов¹ – произносил вступительное слово, далее шло обсуждение конкретной темы, а завершался семинар свободной дискуссией. На одном из семинаров – если не изменяет память, это было в 1998-м или в 1999 г. – Б. Стругацкий начал заседание с короткого экскурса в историю издания советской фантастики и поделился воспоминаниями о собственном авторском опыте: мол, они с братом, столкнувшись с противодействием советской цензуры [см. многочисленные подробности в: Стругацкий, 2003], которая тщательно отслеживала «явные и мнимые антисоветские выпады» в публикуемых текстах, вынужденно стали прибегать к эзопову языку и впредь писали «с кукишем в кармане», как бы маскируя социальную критику окружающей действительности условно-фантастическими приемами и сюжетными ситуациями [Из личного архива].

По утверждению критика В. Ревича, автора мемуарно-критической работы «Перекресток утопий: Судьбы фантастики на фоне судеб страны» [Ревич, 1998], подобная практика вообще распространилась среди авторов-фантастов позднесоветской эпохи, которым была свойственна «игра в прятки с цензурой» [Ревич, 1997, с. 262]. Схожие рассуждения и воспоминания присутствуют также в мемуарах писателей К. Булычева (И. Можейко) [Булычев, 1999] и Г. Прашкевича [Прашкевич, 2021], а писатель-фантаст и поэт Е. Лукин, представитель следующего творческого поколения – так называемой «четвертой волны» в отечественной фантастике² – подытожил этот опыт противостояния с властью в емком четверостишии:

Помню: книжки рубили –
аж плахи трещали.
Это кем же мы были,
если нас запрещали? [Лукин, 2002].

Если опираться на эти и сходные с ними свидетельства, складывается впечатление, что вся советская фантастика 1960-х–1980-х гг. была пронизана духом фрондерства, что все «приличные» фантасты, в противовес «молодогвардейцам»³, писали с тем самым «кукишем в кармане» и что власть в лице редакторско-цензурного аппарата быстро научилась обнаруживать скрытые намеки – и реагировала на них соответствующими репрессивными методами. Впрочем, реальная картина взаимоотношений советских писателей-фантастов с властью была, как представляется, несколько менее однозначной, составляла, языком структурализма, своеобразный бриколаж, в котором переплетались различные интересы многих сторон, и сделалась «усредненно-бунтарской» лишь впоследствии, в аберрациях

¹ Брат Аркадий – соответственно, АНС, а вместе братья – АБС.

² О периодизации отечественной фантастики и ее «волнах» см.: [Королев, 2020, с. 212–213].

³ О «молодогвардейской» фантастике и «школе Ефремова» см.: [Королев, 2020, с. 121–123].

памяти, обусловленных авторскими интенциями и общественными умонастроениями эпохи перестройки. Такое допущение может показаться спорным, но, на мой взгляд, оно является вполне правдоподобным, и ниже будет предпринята попытка это доказать.

Немного истории, причем здесь любопытно сопоставить два мнения — точку зрения непосредственного участника процессов в советском обществе 1960-х гг. («оттепель») и беспристрастного исследователя, оценивающего те события из сегодняшнего дня.

В послевоенном СССР произошло рождение новой социальной среды — инженерно-технической¹, — и в том числе благодаря этому обстоятельству «все больше рос публичный авторитет науки, в первую очередь — точных и инженерных наук» [Кукулин, 2017, с. 70]; на этом фоне состоялась смена политического вектора, и в Программу КПСС в 1961 г. включили фразу о том, что «наука в СССР превращается в непосредственную производительную силу» [Программа..., 1962, с. 160]. В художественной литературе уже не пролетариат или партийцы, но ИТР и представители фундаментальной науки — в первую очередь физики и математики — приблизительно с середины 1950-х гг. стали выступать как люди, прокладывающие дорогу в будущее (см., например, «Не хлебом единым» В. Дудинцева, «Иду на грозу» Д. Гранина и др.) При этом, по меткому замечанию И. Кукулина, «развитие позднесоветской научно-технической интеллигенции... шло по исторически парадоксальному пути» [Кукулин, 2017, с. 72]: исходно «призыв в науку» носил преимущественно мобилизационный и милитаристский характер по своим задачам и институциональным нормам, но именно среда ИТР постепенно сделалась основным инструментом ослабления идеологического контроля и вестернизации позднесоветского социума (в пространстве действий, дозволенных властью). В массовой советской культуре² эти процессы нашли свое выражение в форме многочисленных популярных научно-технических журналов³ — и в интересе широкой публике к фантастике как

¹ В 1966–1968 гг. ВУЗами и техникумами было выпущено, например, 1 628 000 инженерно-технических специалистов (44 % всех выпускников) [Кугель, Никандров, 1971], причем большинство молодых инженеров шло по распределению не на заводы, а в институты и конструкторские бюро [Кугель, 2005, с. 35], пусть даже, как оговаривают социологи, «более половины опрошенных [в Ленинграде молодых специалистов] признались, что поступили в институт лишь из-за стремления получить высшее образование» [Кугель, Никандров, 1971, с. 92].

² Подробнее об этом явлении см.: [Королев, 2020, с. 92–100].

³ В 1956 г. появился журнал «Юный техник», в 1960 г. (в ходе антирелигиозной кампании) журнал «Наука и религия», в 1962 г. журнал «Юный моделист-конструктор» (через три года — уже просто «Моделист-конструктор»), в 1965 г. журнал «Химия и жизнь»; приобрел новое содержание существовавший с 1933 г. журнал «Техника — молодежи». Последним по времени в этой череде периодики «оттепельной» волны можно считать появление физико-математического журнала «Квант» (1970). Тираж журнала «Техника — молодежи» в 1960 г. составлял 600 000 экз., в 1970 г. — 1 700 000 экз.; максимальный тираж обновленного журнала «Знание — сила» в 1967 г. достиг 700 000 экз. [Эстрин, 2005]. По словам основателя журнала «Моделист-конструктор» Ю. Столярова, тираж этого издания в лучшие времена составлял 2 000 000 экз. [Кукулин, 2017, с. 74]. При этом тираж литературного журнала «Новый мир» (флагмана «оттепели») к 1975 г. не превышал 172 000 экз. О литературных журналах той поры подробнее см.: [Kozlov, 2013].

жанровому направлению, «предрекающему» увлекательное и сулящее неисчерпаемые технические возможности будущее.

В фантастике двух предыдущих десятилетий преобладала производственная «фантастика ближнего прицела» (о термине см., например, [Дмитриевский, Брандис, 1960, с. 73]; о самом явлении [Добренко, 2020], а также [Первушин, 2013]), крайне ограниченная по вымыслу, сосредоточенная на пользе технических достижений для народного хозяйства и почти лишенная авантюрной («развлекательной») составляющей, а потому не вызывавшая сколько-нибудь заметного читательского интереса. Зато с конца 1950-х гг. интерес к фантастике резко вырос – после публикации повести Г. Мартынова «Каллисто» в 1957 г. (продолжение «Каллистяне» 1960 г.) и переводных произведений западных фантастов (№ 1–4 за 1956 г. журнала «Техника – молодежи» роман Э. Гамильтона «Сокровища Громовой луны» (1942), ставший сенсацией в СССР; в № 1 за тот же год журнала «Юный техник» рассказ Гамильтона «Невероятный мир»; в журнале «Знание – сила» во второй половине 1950-х гг. почти в каждом номере публиковались рассказы и повести американских фантастов (подробнее см.: [Окулов, 2008]). На местах стали возникать клубы любителей фантастики: «...При детских библиотеках десятками формировались общества поклонников дилогии [Мартынова], которые писали продолжения книги и рассказы из мира [вымышленной планеты] Каллисто... создавали музеи Каллисто, составляли энциклопедию Каллисто и т. д., и т. п.» [Коротков, 2006, с. 287]. Этот всплеск интереса подстегнула публикация в 1957 г. романа И. Ефремова «Туманность Андромеды», и новая фантастика прочно утвердилась в СССР в качестве «властительницы дум». Надо отметить, что эта новая фантастика ориентировалась на иной тип воображения, ее произведения адресовались молодым инженерам и ученым¹, уже состоявшимся и будущим (подросткам), с их декларируемым – несомненно, в значительной мере искренним – стремлением познавать необъяснимое или принципиально новое, а не только «насущное» или «функционально необходимое»².

Критик В. Ревич в уже упомянутой работе «Перекресток утопий» заявлял, в духе перестроечной публицистики, что непосредственным поводом к появлению новой

¹ Ср. замечание К. Булычева о творчестве братьев Стругацких: «Недаром так скоро и безусловно Стругацкие стали кумирами младших научных сотрудников – мыслящей части нации» [Булычев, 1999, с. 260].

² Эта фантастика получила среди авторов и критиков обозначение «социальная»; писатель и переводчик Р. Нудельман утверждал, к примеру: «Бурное развитие фантастики последних лет приводит к тому, что она становится фактором, все более сильно влияющим на представления людей о будущем, о путях развития науки, техники, социальных институтов; она определяет какие-то существенные стороны мировоззрения читателей. <...> Очевидна прежде всего смена узкотехнической темы (гипотезы, проекты) и фантастического эксперимента... выдвиганием теоретических гипотез. <...> Таким образом, <...> социальная фантастика постепенно превратилась в литературу, обращенную к проблемам наиболее общим, общеисторическим. И, решая их в разном плане: естественнонаучном, политическом, морально-психологическом, она неизбежно возводит их в ранг проблем философских...» [Нудельман, 1964, с. 24–25]. Данное обозначение при этом воспринималось как фрондерское представителями власти; по воспоминаниям К. Булычева, в ходе беседы в московском издательстве «Молодая гвардия» зав. редакцией фантастики обронил: «Я делю социальную фантастику на две части. Первую я отправляю в корзину, вторую – в КГБ» [Булычев, 1999, с. 262].

фантастики стал XX съезд КПСС, который «нанес тяжелый удар не только по сталинизму, но и по социалистической идее в целом», а сама новая фантастика «была попыткой убежать от мертвечины, от лжи, которой пробавлялась советская литература, фантастика в том числе, в течение десятилетий» [Ревич, 1998, с. 199]. Видится показательным, что критик – и сам активный участник литературной жизни той поры – усматривал причину перемен в трансформации прежде всего идеологического контекста¹, тогда как в современной исследовательской оптике пристальное внимание уделяется в первую очередь социальной стороне, метаморфозам социального воображения и самого социума под воздействием сил общественно-экономического развития. Забегая немного вперед, укажу, что, на мой взгляд, как раз это обстоятельство – чрезмерное внимание к идеологии, безусловно, естественное для человека «советской формации»² – сказалось на распространении в литературной и редакторско-цензорской среде представления о «кукише в кармане»³, который будто бы всегда имелся в текстах позднесоветских фантастов. Во многом этот «кукиш» домысливался – и домысливается по сей день, потому что таким образом очень удобно, как кажется, маскировать любые другие (экономические, содержательные, личные и пр.) проблемы взаимоотношений творца и институтов власти, выдавая указанные проблемы за идеологические разногласия.

Как бы то ни было, новая советская фантастика в журнальном и книжном виде «вдруг» обрела в 1960-х гг. изрядную популярность, что, разумеется, не могло не остаться незамеченным властями. Так, в марте 1966 г. отдел пропаганды и агитации ЦК КПСС подготовил записку «О недостатках в издании научно-фантастической литературы», под которой стояла подпись заместителя заведующего отделом А. Яковлева (будущего «архитектора перестройки»). В тексте записки критиковались как «внеидеологические» произведения братьев Стругацких (их книги печатались с 1959 г.) и предлагался комплекс контролирующих мер, в частности: «Поручить редакции журнала “Коммунист” опубликовать обстоятельную критическую статью... об ошибочных тенденциях в современной научно-фантастической литературе. Поручить ЦК ВЛКСМ рассмотреть вопрос о работе издательства “Молодая гвардия”, принять меры по укреплению издательства более квалифицированными кадрами. Рекомендовать Союзу писателей СССР обсудить вопрос об ошибочных

¹ Ср. в «Комментариях к пройденному» Б. Стругацкого: «...нам повезло начать литературную работу свою в период Первой Оттепели; когда одна за другой стали раскрываться страшные тайны мира, в котором нам довелось родиться и существовать; когда весь советский народ, вся наша несчастная Страна Дураков начала стремительно уметь и понимать – и нам довелось и повезло уметь и понимать вместе со всеми, совсем ненамного обгоняя большинство и, слава богу, отнюдь от него не отставая. Открытия, которые мы делали для себя, становились одновременно открытиями и для самых квалифицированных из наших читателей – и именно их любовь и признание обеспечили наш тогдашний успех» [Стругацкий, 2003, с. 156].

² Замечательные образцы мышления такого человека приводятся в работе [Темплинг, Никулина, 2019]; также [Шубин, 2001].

³ Ср. замечание К. Булычева о написанной им в молодые годы повести в жанре «альтернативной фантастики» (по сюжету в ходе событий октября 1917 г. «Аврора» стреляет по Смольному и т. д.): «Повесть я написал... <но> боялся ее показывать кому-нибудь» [Булычев, 1999, с. 282].

тенденциях в современной научно-фантастической литературе, обратить внимание редакторов газет и журналов, директоров издательств на неправильные тенденции в современной научно-фантастической литературе» [Записка..., 1993, с. 95]. В январе 1969 г. было принято секретное постановление секретариата ЦК КПСС «О повышении ответственности руководителей органов печати, радио, телевидения, кинематографии, учреждений культуры и искусства за идейно-политический уровень публикуемых материалов и репертуара» [Раскатова, 2010]. Фактически указанное постановление наделяло редакторов и издателей функциями цензоров в рамках системы тотального партийно-государственного – идеологического¹ – контроля. Вся дальнейшая история советской фантастики вплоть до 1980-х гг. определялась этим обстоятельством, поскольку цензорские полномочия издателей и редакторов нередко служили инструментом внутрилитературной конкуренции (членство в Союзе писателей, попадание в издательские планы и пр.) и даже сведения личных счетов (см. обвинения в адрес братьев Стругацких после кончины И. Ефремова²), но эта подковерная фракционная борьба облекалась на публику в идеологические одежды. Разумеется, проигравшими чаще всего оказывались те авторы, которые не имели покровителей на высоких постах и в целом находились «вне системы»³, а отказы в публикации почти всегда рядились в идеологизированные одежды: так, во внутренней издательской рецензии на повести К. Булычева, человека «со стороны» в литературной среде⁴ – это уже 1970-е гг., – говорилось: «Мы знаем, на что намекает автор, когда пишет, что над Красной площадью ползли темные тучи» [Булычев, 1999, с. 278]. Показательно, что этот эпизод в воспоминаниях автора представлен как образчик идеологического противостояния, что для самого автора он тоже носил идеологический характер, хотя чуть выше в тексте мемуаров прямо

¹ За официальную цензуру в Советском Союзе отвечало Главное управление по охране государственных тайн в печати при Совете министров СССР (Главлит); пример его деятельности можно обнаружить в воспоминаниях Б.Н. Стругацкого – повесть братьев Стругацких «Полдень. XXII век» была передана Главлитом на оценку в Главатом для выяснения того, не содержатся ли в ней какие-либо секретные сведения [Стругацкий, 2003, с. 35]. Это разделений полномочий, к слову, было характерной особенностью советской системы контроля – в других социалистических странах, в отличие от СССР, действовала полноценная цензура: польский исследователь советской фантастики В. Кайтох отмечает: «...существенно отличалось, если сравнивать с нашей издательской действительностью, разграничение пределов ответственности редактора и цензора. Советские издатели имели большую, чем наши, свободу решения и больше могли потерять – а потому обычно сами исполняли цензорские функции. Но могли и рискнуть. Окруженный мелочной опекой цензора, польский редактор такой возможности не имел» [Кайтох, 2003, с. 534–535].

² По сплетне, запущенной предположительно Ю. Медведевым (см. в его повести «Протей» упоминание о двух доносчиках, «состоящих в родстве»), именно Стругацкие якобы стали инициаторами обыска в квартире Ефремова после смерти писателя. А К. Булычев вспоминал, как ему «достоверно рассказывали солидные люди, что Стругацкие уже собрали чемоданы и уезжают в Израиль» [Булычев, 1999, с. 279].

³ Писатель, представитель «четвертой волны» Э. Геворкян уточняет картину позднесоветской литературной конкуренции за право публиковаться: «Шансы потихоньку печататься и со временем стать членом Союза писателей были, хотя и незначительные, издательских площадок было мало, а «морковка» в виде журнала только фантастики так и осталась подвешенной. <...> Площадки для прозы традиционной были плотно забыты членами Союза писателей» [Геворкян, 2022, в рукописи].

⁴ По образованию востоковед, много лет работал за рубежом в качестве корреспондента агентства печати «Новости».

указывается, что дело, скорее всего, было в нечистоплотной конкуренции, что редакторы и издатели привечали прежде всего «своих» литераторов, «чтобы никто... другой печататься не смел» [Булычев, 1999, с. 278].

Такая цензурская ответственность побуждала редакторов в журналах и издательствах, что называется, дуть на воду и усматривать едва ли не в каждой авторской фразе «стороннего» (не «своего») писателя-фантаста покушение на основы государственной идеологии и государственного строя (ср. воспоминания К. Булычева: «Или ты будешь писать как положено, или не будешь печататься [Булычев, 1999, с. 278]). Правда, случались и промашки. Так, сатирическую повесть братьев Стругацких «Сказка о тройке» (1968, опубликована в иркутском альманахе «Ангара»), едкую насмешку над бюрократией во всех сферах советского общества, редакторская цензура пропустила – но тут же сработал партийный контроль¹: заведующий отделом пропаганды Иркутского обкома КПСС заявил, что «под предлогом фантастического сюжета авторы повести... в нарочито искаженном виде представляют советское общество. Повесть... антинародна и аполитична по своему содержанию и характеру. Прячась за складками пышной мантии фантастики, авторы представляют советский народ утратившим коммунистические идеалы» [Докладная записка..., 1993, с. 98]. В этом заявлении сразу бросается в глаза обилие идеологем («народ», «политика» и др.), хотя авторы, по признанию Б. Стругацкого, «ни о чем таком не думали»²; данные идеологемы составляли неотъемлемую часть официального советского пропагандистского нарратива – и оказывали соответствующее влияние на массовое сознание (при всей условности этого понятия), или на социальное воображение, в результате чего даже записные будто бы фронтеры среди творческих людей искренне мыслили этими категориями и боролись вовсе не с системой, а с ее «искажениями»: по справедливому замечанию В. Ревича, в случае «Сказки о тройке» «Стругацкие нанесли удар по самой системе. Но в те годы, боюсь, даже авторам представлялось, что они сражаются лишь с ее извращениями» [Ревич, 1998, с. 251].

¹ Публикацию отрывка из повести в журнале «Знание – сила» отклонил непосредственно Главлит: Б. Стругацкий цитирует письмо брата от 27 апреля 1968 г., где утверждается, что «отрывок читал сам Романов (!) – это глава Главлита – и заявил, что в отрывке есть некий вредный подтекст. Будучи робко спрошен, что это за подтекст, Романов якобы только буркнул: «Знаем мы какой!» [Стругацкий, 2003, с. 76].

² Эти слова были произнесены на одном из семинаров в конце 1990-х гг. (из личного архива); впрочем, в опубликованных воспоминаниях Б. Стругацкого предлагается иная, уже более «идеологическая» версия событий: «Как продолжение «Понедельника» – сюжетное, идейное, стилистическое – «Сказка» скорее не получилась. «Понедельник» – сочинение веселое, юмористическое, «беззубое зубоскальство», как говаривали Ильф с Петровым. «Сказка» – отчетливая и недвусмысленная сатира. «Понедельник» писали добрые, жизнерадостные, веселящиеся парни. «Сказка» писана желчью и уксусом. Жизнерадостные парни подрастеряли оптимизм, добродушие свое, готовность понять и простить и сделали злыми, ядовитыми и склонными к неприязненному восприятию действительности. Да и времена на дворе образовались соответствующие. <...> По издательствам тайно распространялись некие списки лиц, публикация коих представлялась нежелательной. <...> Вся идеологическая бюрократия... стояла на ушах... <...> Даже самому изумрудно-зеленому оптимисту ясно сделалось, что Оттепель «прекратила течение свое» и пошел откат, да такой, что впору было готовиться сушить сухари. Замечательно, что в переписке АБС почти никаких примет времени подобного рода нет. Предусмотрительность и осторожность! Всем известно было о наличии «в тени власти» Любителей Читать Чужие Письма» [Стругацкий, 2003, с. 75].

Проникновение официальных идеологем «в народ» наиболее наглядно, пожалуй, иллюстрирует «казус Ефремова» 1970 г. Два года ранее был закончен и затем опубликован – в двух журнальных и одном книжном издании – роман И. Ефремова «Час быка», после чего в ЦК КПСС стали поступать обращения «бдительных» граждан. По словам писателя-фантаста и заведующего отделом прозы журнала «Москва» Ю. Медведева, среди таких обращений была рукопись объемом в общую тетрадь с тщательным философским и идеологическим разбором романа, выполненным на высоком интеллектуальном и стилистическом уровне [подробнее см.: Измайлов, 1990]. По итогам рассмотрения подобных обращений, наряду с анализом докладов агентов КГБ, приставленных к Ефремову [подробнее см.: Комиссаров, 2011], роман был снят с публикации и вплоть до перестройки не переиздавался. Сам Ефремов пытался убедить партийное начальство в том, что «очень плохо для критики, если изображение будущего общества (на тоталитарной планете Торманс – К.К.), смоделированного по маоистскому Китаю плюс гангстерскому монополистическому капитализму, она принимает за какое-то изображение нашего строя» [Ефремов, 1994], но «вчитанная» идеология взяла верх: «Ефремов под видом критики общественного строя на фантастической планете “Торманс” по существу клеветает на советскую действительность, поскольку, как он сам признается в предисловии, книга “говорит о путях развития грядущего коммунистического общества”» [Записка Комитета..., 1994].

Уже на излете застоя, в 1984 г., советская редакторская цензура допустила новый громкий промах – и вот на сей раз говорить о «кукише в кармане» вполне правомерно, пусть этот «кукиш» принадлежал не отечественному, а зарубежному писателю-фантасту¹. В журнале «Техника – молодежи» началась публикация романа английского писателя А. Кларка «2010. Одиссея-2», продолжения «Космической одиссеи 2001 года». Вообще произведения Кларка как «прогрессивного автора» в СССР охотно печатали с конца 1950-х гг., аккуратно игнорируя те романы и рассказы, которые не вписывались в предписываемое идеологией материалистическое мировосприятие (скажем, «психологические» романы «Город и звезды» (1956) и «Конец детства» (1953))². С этой точки зрения, публикация второй «Одиссеи» не содержала никакой крамолы, авторское посвящение космонавту А. Леонову и опальному академику А. Сахарову было предусмотрительно убрано. Но уже в ходе публикации выяснилось, что ряд русских персонажей романа носит фамилии диссидентов (Орлов, Марченко, Якунин). После очередного «сигнала общественности» – снова приходится вспоминать об идеологемах советского мышления – в адрес ЦК ВЛКСМ, который официально курировал журнал, публикация второй

¹ В «покаянном письме» после приостановки публикации редактор обвинял зарубежного автора в коварстве: «Данная публикация появилась в журнале в результате двуличия автора, который после заверений, выражения симпатий к народу и нашей стране гнусным образом ввел нас в заблуждение» [Захарченко, 1991, с. 14].

² Концовку романа «Космическая одиссея 2001 года» в первом издании на русском языке отсекали как мистическую, причем в послесловии за подписью И. Ефремова эта операция объяснялась несоответствием последних глав духу романа в целом см.: [Кларк, 1970].

«Одиссеи» в «Технике — молодежи» прервалась (заново роман напечатали лишь в 1989–1990 гг.), а в секретном апрельском постановлении № 59/13 секретариат ЦК ВЛКСМ указал, что «публикация материала без, в необходимых случаях, официальных консультаций в компетентных органах является грубейшим нарушением» [см.: Захарченко, 1991, с. 14].

Обращает на себя внимание ссылка на «компетентные органы» и оговорка по поводу «необходимых случаев»: даже в период, который в перестроечной публицистике было принято именовать «махровым застоем»¹, советские редакторы и издатели пользовались определенными свободами и определенной степенью доверия к их «идеологическому чутью» со стороны партийных структур — и проецировали эти свободу и доверие на авторов, которые старались не подставляться сами и не подставлять других (ср.: «Люди взрослые понимали, что если ты хочешь вписаться в систему, то надо следовать правилам, а мелкие фиги в кармане или подмигивание читателю (как сейчас говорят, «пасхалки»²) — на свой страх и риск, поскольку в редакциях тоже сидели не дураки, и внутренняя цензура заменяла внешнюю» [Геворкян, 2022]). Тех же, кто по каким-либо причинам нарушал эти правила, ожидали беседы в «компетентных органах» и надлежащие оргвыводы, но таких людей было немного: «...кто не хотел вписываться в систему — ощущение остановившегося времени весьма сильно действовало на психику творческих личностей, — те могли рискнуть, переправить свои рукописи «за бугор», пострадать и иметь шанс быть вышибленным из страны с последующим получением Нобелевской премии» [Геворкян, 2022]. Основную массу литераторов составляли, в терминологии Э. Геворкяна, именно «люди взрослые». Например, К. Булычев в мемуарах утверждал, что «не верил в торжество коммунизма и его блага», однако «...не участвовал в кампаниях, семинарах и боевых действиях, не голосовал и не изгонял. Зато и меня нельзя было ниоткуда изгнать» [Булычев, 1999, с. 280]. Правда, он же признавался, что сам, как и его коллеги, «до конца восьмидесятых годов был уверен, что проживем жизнь и умрем при продвинутом социализме в Советской империи» [Булычев, 1999, с. 280]. Иными словами, если кто-то из отечественных писателей-фантастов и отваживался на «кукиши» власти, это происходило редко — что бы ни декларировалось потом в воспоминаниях, — а многие «кукиши» представляли таковыми лишь в воображении чересчур бдительных читателей и редакторов.

В этой связи можно сослаться на забавный — при взгляде из дня сегодняшнего — эпизод редакторской работы с текстом романа братьев Стругацких «Обитаемый остров» (1969). После прочтения рукописи в Главлите (по всей видимости, Стругацким в ту пору уделялось особое внимание «наверху», и потому рукопись отослали

¹ Об этом периоде и о советском варианте «неолиберальной субъективности» см.: [Алымов, 2018]

² Подобными литературными «пасхалками» изобилует, скажем, роман «Понедельник начинается в субботу» братьев Стругацких, причем, по словам Б. Стругацкого, количество таких шуток изрядно уменьшилось при редактировании: «...нам не удалось спасти «Министра государственной безопасности Малюту Скуратова», например. Или строчку в рассказе Мерлина: «Из озера поднялась рука, мозолистая и своя...». Еще какие-то милые пустички, показавшиеся кому-то разрушительными» [Стругацкий, 2003, с. 56].

из издательства прямым в официальную цензуру) появился достаточно длинный список претензий к содержанию, но главное, что авторам предложили, по воспоминаниям Б. Стругацкого, «убрать из романа как можно больше реалий отечественной жизни (в идеале – все без исключения), прежде всего – русские фамилии героев». Несколько дней подряд авторы правили рукопись: «Первой жертвой... пал русский человек Максим Ростиславский, ставший отныне... немцем Максимом Каммерером. Павел Григорьевич (он же Странник) сделался Сикорски, и вообще в романе появился легкий, но отчетливый немецкий акцент: танки превратились в панцервагены, штрафники в блиццтрегеры, “дурак, сопляк!” – в “Dumkopf, Rotznase!”... Исчезли из романа: “портянки”, “заклученные”, “салат с креветками”, “табак и одеколон”, “ордена”, “контрразведка”, “леденцы”, а также некоторые пословицы и поговорки вроде “бог шельму метит”...» [Стругацкий, 2003, с. 85]. Не исключено, что подобное «настоятельное пожелание» цензуры было связано с другой идеологической кампанией того времени – против «ревнителей русской старины» и «русского национализма» в журнале «Молодая гвардия»¹; так или иначе, редакторы и цензоры вмещались в авторский текст, чтобы устранить даже потенциальные «кукиши», существовавшие, быть может, только в их фантазиях.

На основании приведенных и множества других примеров такой идеологической цензуры, включая авторскую самоцензуру, напрашиваются из их рассмотрения следующие выводы: во-первых, неоднократно упомянутый «кукиш в кармане» советских фантастов во взаимоотношениях с властью во многом был сродни городской легенде, то есть современной форме фольклора, распространенной в урбанизированной среде (= массовой культуре) и предупреждающей о какой-либо опасности (в данном случае – об угрозе, явной и мнимой, со стороны цензуры и власти вообще для творческого человека); во-вторых, налицо явная «социальная гиперсемиотизация» – чрезмерное до болезненности стремление видеть знаки (там, где они действительно есть, и там, где их нет, но где они могли бы быть) и «вчитывать» семантику, свойственную институтам советской власти на всех уровнях при взаимодействии с обществом и его отдельными представителями под влиянием мобилизирующей моральной паники (если допустимо использовать здесь этот термин применительно к советским структурам власти²), признаки которой отчетливо наблюдались во властной системе. Также аналогичное стремление было присуще и широкой публике, которая регулярно включалась в «охоту за опасными знаками»³. Позднее, уже после краха СССР, бывшие активные участники позднесоветских творческих процессов взялись за мемуары и принялись воспроизводить городскую легенду о «кукише» для потомков – как правило, в идеологическом контексте, что,

¹ Подробнее см.: [Митрохин, 1997, с. 239–268]; взгляд с другой стороны конфликта – [Уханов, 1997].

² О значениях термина «моральная паника» см.: [Громов, 2012, с. 164–165; Коэн, 2022, с. 7–58]. Ср.: «Фантастика... вызвала настороженность у властей предрержащих. Считалось, что будущее определяется в процессе написания бумаг на кремлевских дачах проверенными референтами, а затем согласовывается на Политбюро, а вовсе не в образах, которые создавали талантливые паршивцы» [Геворкян, 2022].

³ О сходной «охоте за знаками» и ее причинах в 1930-х гг. см.: [Архипова, Кирзюк, 2020, с. 74–159].

повторюсь, было вполне естественным для людей советского воспитания и советской закалки: они не умели, да и не могли, наверное, думать иначе.

Полагаю, мы вправе ожидать, что эта городская легенда так и останется в истории советской литературы в целом и в истории советской фантастики в частности, поскольку она хорошо укладывается в модель виктимизации «подлинного творчества» при тоталитарном строе и героизирует «молчаливое сопротивление» государственному Левиафану целого поколения тех самых молодых ИТР, что привнесли в советскую массовую культуру, в советское социальное воображение новую мечту о будущем и «антропологическую новизну» [Кукулин, 2017, с. 72]. С другой стороны, в наши дни, уже совсем в иных социально-экономических и идеологических условиях, эта легенда выглядит не то чтобы актуальной, и потому так горько звучат заключительные строки из цитировавшегося ранее стихотворения Е. Лукина:

Уличали. Свистали.
Политику шили.
Это кем же мы стали,
если нас разрешили? [Лукин, 2002].

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Алымов С. Активизация «человеческого фактора»: «застойные» корни неолиберальной субъективности? // *Антропологический форум*. 2018. № 37. С. 54–92.

Архипова А., Кирзюк А. Опасные советские вещи. Городские легенды и страхи в СССР. Москва: Новое литературное обозрение, 2020. 536 с.

Балашев А., Стругацкий Б. Семинар Бориса Стругацкого: истории от «драбантов» // *Питерbook плюс*. 1998. № 3. С. 28–29.

Булычев К. Как стать фантастом: Записки семидесятника // *Если*. 1999. № 8. С. 243–270; № 10. С. 266–286; № 11. С. 265–283.

Геворкян Э. Воспоминания о семинарах (рукопись, любезно предоставленная автором, цитируется с разрешения), 2022.

Громов Д. «Моральная паника» как механизм развития ряда молодежных сообществ Советского Союза и России // *Историческая психология и социология истории*. 2012. Т. 5. № 1. С. 164–178.

Дмитревский В., Брандис Е. Современность и научная фантастика // *Коммунист*. 1960. № 1. С. 67–74.

Добренко Е. Поздний сталинизм. Эстетика политики. Т. 2. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 600 с.

Докладная записка отдела пропаганды и агитации Иркутского обкома КПСС о повести Стругацких «Сказка о тройке», опубликованной в альманахе «Ангара» // *Знание – сила*. 1993. № 7. С. 98–99.

- Ефремов И.* Письмо секретарю ЦК КПСС П.Н. Демичеву // *Вопросы литературы*. 1994. Вып. 3. С. 243.
- Записка Комитета государственной безопасности СССР в ЦК КПСС (подписана Ю.В. Андроповым) // *Вопросы литературы*. 1994. Вып. 3. С. 240.
- Записка отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС о недостатках в издании научно-фантастической литературы // *Знание – сила*. 1993. № 7. С. 95–96.
- Захарченко В.* Роман из вранья или восемь чудес из вымышленной жизни Ивана Ефремова // *Техника – молодежи*. 1991. № 10. С. 13–14.
- Измайлов А.* Туманность: о событиях, связанных со смертью писателя И.А. Ефремова // *Нева*. 1990. № 5. С. 179–189.
- Кайтох В.* Братья Стругацкие: очерк творчества // *Стругацкий А.Н., Стругацкий Б.Н.* Бессильные мира сего: сб. Донецк: Сталкер, 2003. С. 409–670.
- Кларк А.* Космическая одиссея 2001 года. Москва: Мир, 1970. 336 с.
- Комиссаров В.* Интеллигенция и фантастика под партийно-идеологическим контролем в 1960–80-е годы // *Интеллигенция и мир*. 2011. № 3. С. 78–88.
- Королев К.* Поиски национальной идентичности в советской и постсоветской массовой культуре: славянский метасюжет в отечественном культурном пространстве. Санкт-Петербург: Нестор-история, 2020. 376 с.
- Коротков Ю.* Звездоплаватель // *Если*. 2006. № 11. С. 284–288.
- Коэн С.* Народные дьяволы и моральная паника. Создание модов и рокеров. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики, 2022. 352 с.
- Кугель С.* Записки социолога. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2005. 204 с.
- Кугель С., Никандров А.* Социологические проблемы инженерной деятельности. Москва: Мысль, 1971. 207 с.
- Кукулин И.* Периодика для ИТР: советские научно-популярные журналы и моделирование интересов позднесоветской научно-технической интеллигенции // *Новое литературное обозрение*. 2017. № 3. С. 51–85.
- Лукин Е.* Беда моя // *Авторская страница на портале Author today*. 2002. URL: <https://author.today/post/182778> (дата обращения – 09 марта 2022 г.).
- Митрохин Н.* Русская партия: Движение русских националистов в СССР. 1953–1985 годы. Москва: Новое литературное обозрение, 2003. 622 с.
- Нудельман Р.* Возвращение со звезд. Мысли о научной фантастике // *Техника–молодежи*. 1964. № 5. С. 24–25.
- Окулов В.* О журнальной фантастике первой половины XX века. Липецк: Крот, 2008. 68 с.
- Первушин А.* 10 мифов о советской фантастике. Москва: ИП Ройфе, 2013. 140 с.
- Прашкевич Г.* Портрет писателя в молодости. Москва: Т8 RUGRAM, 2021. 396 с.
- Программа Коммунистической партии Советского союза. Москва, 1962.

Раскатова Е. Главное управление по охране государственных тайн в печати при СМ СССР (Главлит) и новые реалии художественной жизни в конце 1960-х–начале 1980-х гг. // *Интеллигенция и мир*. 2010. № 2. С. 62–79.

Ревич В. Перекресток утопий: Судьбы фантастики на фоне судеб страны. Москва: Институт востоковедения РАН, 1998. 352 с.

Ревич В. Последний коммунист // *Если*. 1997. № 3. С. 247–270.

Рыбаков В. Ячейка утраченного будущего. Об истории и атмосфере семинара Бориса Стругацкого // *Портал «Русская идея»*. URL: <https://politconservatism.ru/articles/yachejka-utrachennogo-budushhego> (дата обращения – 09 марта 2022 г.).

Стругацкий Б. Комментарии к пройденному. Санкт-Петербург: Амфора, 2003. 312 с.

Темплинг В., Никулина Н. Тантамарески советской формации: из дневника молодого тюменца 1930 года // *Сибирские исторические исследования*. 2019. Вып. 2. С. 162–179.

Уханов И. Плата за страх: документальное повествование // *Молодая гвардия*. 1997. № 2. С. 3–35 (продолжение № 3–5).

Шубин А. От «застоя» к реформам. СССР в 1917–1985 гг. Москва: РОССПЭН, 2001. 768 с.

Эстрин А. «Привет душителям свободы!»: Из знаниесильских анналов. Москва: По-матур, 2005. 192 с.

Kozlov D. *The Readers of Novyi Mir: Coming in Terms with the Stalinist Past*. Cambridge, Mass.; London: Harvard University Press, 2013. 442 p.

REFERENCES

Alymov S. Aktivizaciya “chelovecheskogo faktora”: “zastojnye” korni neoliberal’noj sub”ektivnosti? [The Activation of Human Factor: the Zastoy roots of neo-liberal subjectiveness?], in *Antropologicheskij forum*. 2018. No. 37. Pp. 54–92 (in Russian).

Arhipova A., Kirzyuk A. *Opasnye sovetskie veshchi. Gorodskie legendy i strahi v SSSR* [Dangerous Soviet Things: Urban legends and fears in the USSR]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2020. 536 p. (in Russian).

Balashov A., Strugackij B. Seminar Borisa Strugackogo: istorii ot “drabantov” [Boris Strugatsky panel: stories from the drabantes], in *Piterbook plyus*. 1998. No. 3. Pp. 28–29 (in Russian).

Bulychev K. Kak stat’ fantastom: Zapiski semidesyatnika [How to become a SF writer. Memoirs of a 1970s-man], in *Esli*. 1999. No. 8. Pp. 243–270; No. 10. Pp. 266–286; No. 11. Pp. 265–283 (in Russian).

Gevorkyan E. *Vospominaniya o seminarah* [Panel memories] (a manuscript cited, kindly approved by the author) (in Russian).

Gromov D. “Moral’naya panika” kak mekhanizm razvitiya ryada molodezhnyh soobshchestv Sovetskogo Soyuza i Rossii [Moral Panic as a development of some youth

- communities in the USSR], in *Istoricheskaya psihologiya i sociologiya istorii*. 2012. Vol. 5. No. 1. Pp. 164–178 (in Russian).
- Dmitrevskij V., Brandis E. *Sovremennost' i nauchnaya fantastika* [Science Fiction and our days], in *Kommunist*. 1960. No. 1. Pp. 67–74 (in Russian).
- Dobrenko E. *Pozdnij stalinizm. Estetika politiki* [The Late Stalinism. The Aesthetics of politics]. Vol. 2. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2020. 600 p. (in Russian).
- Dokladnaya zapiska otdela propagandy i agitacii Irkutskogo obkoma KPSS o povesti Strugackih "Skazka o trojke", opublikovannoj v al'manahe "Angara" [A memo by a propaganda department of the Irkutsk region CPSU committee on the Strugatsky brothers' The Trinity tale], in *Znanie – sila*. 1993. No. 7. Pp. 98–99 (in Russian).
- Efremov I. *Pis'mo sekretaryu CK KPSS P.N. Demichevu* [A letter to the CPSU CC secretary P. Demichev], in *Voprosy literatury*. 1994. Vol. 3. P. 243 (in Russian).
- Zapiska Komiteta gosudarstvennoj bezopasnosti SSSR v CK KPSS (podpisana YU.V. Andropovym) [The KGB memo to the CPSU CC by Y. Andropov], in *Voprosy literatury*. 1994. Is. 3. P. 240 (in Russian).
- Zapiska otdela propagandy i agitacii CK KPSS o nedostatkah v izdanii nauchno-fantasticheskoy literatury [A note by the CPSU CC propaganda department in some failures in the SF editions], in *Znanie – sila*. 1993. No. 7. Pp. 95–96 (in Russian).
- Zaharchenko V. *Roman iz vran'ya ili vosem' chudes iz vymyshlennoj zhizni Ivana Efremova* [A Romance of Lies, or Eight Miracles of the fictitious life of Ivan Efremov], in *Tekhnika – molodezhi*. 1991. No. 10. Pp. 13–14 (in Russian).
- Izmajlov A. *Tumannost': o sobyitiyah, svyazannyh so smert'yu pisatelya I.A. Efremova* [A Nebula: On events concerning the death of Ivan Efremov], in *Neva*. 1990. No. 5. Pp. 179–189 (in Russian).
- Kajtoch V. *Brat'ya Strugackie: ocherk tvorchestva* [The Strugatsky brtothers: Their History], in Strugackij A.N., Strugackij B.N. *Bessil'nye mira sego: sb.* [Powerless of this world]. Doneck: Stalker, 2003. Pp. 409–670 (in Russian).
- Clarke A. *Kosmicheskaya odisseja 2001 goda* [A Space Odyssey 2001]. Moscow: Mir, 1970. 336 p. (in Russian).
- Komissarov V. *Intelligenciya i fantastika pod partijno-ideologicheskim kontrolem v 1960–80-e gody* [Intelligentsia and Science Fiction: Under the Party Contol, 1960s–1980s], in *Intelligenciya i mir*. 2011. No. 3. Pp. 78–88 (in Russian).
- Korolev K. *Poiski nacional'noj identichnosti v sovetskoj i postsovetskoj massovoj kul'ture: slavyanskij metasyuzhet v otechestvennom kul'turnom prostranstve* [In Search for a national identity: the Slav metaplot within the Russian cultural space]. St. Petersburg: Nestor-istoriya, 2020. 376 p. (in Russian).
- Korotkov Yu. *Zvezdoplavatel'* [A Star Treader], in *Esli*. 2006. No. 11. Pp. 284–288 (in Russian).
- Kohen S. *Narodnye d'yavoly I moral'naya panika. Sozdanie modov I rokerov* [Folk Devils and Moral Panics. The creation of the Mods and Rockers]. Moscow: Izdatel'skij dom Vyshej shkoly ekonomiki, 2022. 352 p. (in Russian).

- Kugel' S. *Zapiski sociologa* [Memoirs of a sociologist]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2005. 204 p. (in Russian).
- Kugel' S., Nikandrov A. *Sociologicheskie problemy inzhenernoj deyatel'nosti* [Sociological problems of our days]. Moscow: Mysl', 1971. 207 p. (in Russian).
- Kukulin I. Periodika dlya ITR: sovetskie nauchno-populyarnye zhurnaly i modelirovanie interesov pozdnesovetskoj nauchno-tehnicheskoy intelligencii [Periodics for engineers: popular Soviet science magazines and modelling of the intelligentsia interests during the late Soviet period], in *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2017. No. 3. Pp. 51–85 (in Russian).
- Lukin E. *Beda moya* [My woe], in The author's page at the Author today website. Available at: <https://author.today/post/182778> (accessed 09 March 2022).
- Mitrokhin N. *Russkaya partiya: Dvizhenie russkih nacionalistov v SSSR. 1953–1985 gody* [The Russian party: The Russian Nationalist movement in the USSR, 1953–1985]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2003. 622 p. (in Russian).
- Nudel'man R. *Vozvrashchenie so zvezd. Mysli o nauchnoj fantastike* [Back from the stars: some thoughts on science fiction], *Tekhnika–molodezhi*. 1964. No. 5. Pp. 24–25 (in Russian).
- Okulov V. *O zhurnal'noj fantastike pervoj poloviny XX veka* [On SF magazines in the first half of XXth century]. Lipetck: Krot, 2008. 68 p. (in Russian).
- Pervushin A. *10 mifov o sovetskoj fantastike* [Ten myths of the Soviet SF]. Moscow: IP Rojfe, 2013. 140 p. (in Russian).
- Programma Kommunisticheskoy partii Sovetskogo soyuza* [New CPSU Program]. Moscow, 1962 (in Russian).
- Prashkevich G. *Portret pisatelya v molodosti* [A Portrait of a young writer]. Moscow: T8 RUGRAM, 2021. 396 p. (in Russian).
- Raskatova E. Glavnoe upravlenie po ohrane gosudarstvennyh tajn v pečati pri SM SSSR (Glavlit) i novye realii hudozhestvennoj zhizni v konce 1960-h–nachale 1980-h gg. [The head department of the state press security (Glavlit) and new realities of artistic life from the late 1960s up to 1980s], in *Intelligenciya i mir*. 2010. No. 2. Pp. 62–79 (in Russian).
- Revich V. Poslednij kommunist [The Last communist], in *Esli*. 1997. No. 3. Pp. 247–270.
- Revich V. *Perekrestok utopij: Sud'by fantastiki na fone sudeb strany* [A Crossroad of utopias: Destiny of SF through the destiny of the land]. Moscow: Institut vostokovedeniya RAN, 1998. 352 p. (in Russian).
- Rybakov V. *Yachejka utrachennogo budushchego. Ob istorii i atmosfere seminara Borisa Strugackogo* [A Cell of a lost future: on B. Strugatsky's panel], in Portal "Russkaya ideya". Available at: <https://politconservatism.ru/articles/yachejka-utrachennogo-budushhego> (accessed 09 March 2022).
- Strugackij B. *Kommentarii k projdennomu* [Commentaries to the Past]. St. Petersburg: Amfora, 2003. 312 p. (in Russian).

Templing V., Nikulina N. *Tantamareski sovetskoj formacii: iz dnevnika mladogo tyumenca 1930 goda* [Tantamarescos of the Soviet life: from the diary of a young Tyumen man, 1930], in *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*. 2019. Vol. 2. Pp. 162–179 (in Russian).

Ukhanov I. *Plata za strah: dokumental'noe povestvovanie* [The Price of fear. A documental history], in *Molodaya gvardiya*. 1997. No. 2. Pp. 3–35 (cont. No. 3–5) (in Russian).

Shubin A. *Ot "zastoya" k reformam. SSSR v 1917–1985 gg.* [From the Zastoy to reforms. 1917–1985]. Moscow: ROSSPEN, 2001. 768 p. (in Russian).

Estrin A. *"Privet dushitelyam svobody!": Iz znaniel'skih annalov* [Greetings to the Freedom killers: from the magazine annals]. Moscow: Pomatur, 2005. 192 p. (in Russian).

Kozlov D. *The Readers of Novyi Mir: Coming in Terms with the Stalinist Past*. Cambridge, Mass.; London: Harvard University Press, 2013. 442 p.

Статья принята к публикации 22.04.2022